

А.О. Корнилович

**Нравы русских при Петре
Великом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.О. Корнилович**
Нравы русских при Петре Великом / А.О. Корнилович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2015. – 92 с.

ISBN 978-5-458-07094-2

ISBN 978-5-458-07094-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Частная жизнь императора Петра I.

Вы не разъ удивлялись Петру I, вы слушали со вниманіемъ рассказы о подвигахъ его на полѣ брани, о его неутомимости въ дѣлахъ государственныхъ, его постоянной любви къ Россіи. Вы съ равнымъ участіемъ видѣли его въ холстинной курткѣ плотникомъ на Заандамской верфи, потомъ побѣдителемъ подъ Полтавою во время его триумфальнаго вѣзда въ Москву и, наконецъ, по заключеніи Нейштадтскаго мира, торжественно принимающимъ благодарность народа. Но любопытство ваше завлекло васъ далѣе. Вы сдѣлали мнѣ вопросъ: какая была частная жизнь Петра I? Покажите мнѣ его, говорили вы, не повелителемъ многочисленнаго народа, а гражданиномъ, въ домашнемъ быту, среди его семейства. Какія были его частныя занятія, его домашнія забавы?

Вотъ мой отвѣтъ.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ госу-

дарственнымъ и частныя, которымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носить на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не устающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ I былъ слишкомъ 2 аршина 14 вершковъ и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи; въ Заандамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Москвитіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ Виржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ ее вверхъ, кортикомъ прорубилъ оную на воздухъ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку подвѣ серебряныя тарелки вдругъ и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Впрочемъ, однажды

Петръ чуть было не заплатилъ жизнью за подобную самонадѣянность. Это случилось въ 1717 году, въ Утрехтѣ, на шелковой фабрикѣ купца фонъ-Моллема. Дабы узнать быстроту воды, приводившей въ обращеніе колеса фабрики, государь вздумалъ было во время дѣйствія оныхъ остановить самое большое колесо; но оно подняло его, и, вѣрно, Петръ сдѣлался бы жертвою своего любопытства, если бъ одинъ изъ бывшихъ тутъ работниковъ, схвативъ его обѣими руками, не оторвалъ насильно отъ колеса. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслию или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при російскомъ дворѣ, а именно цесарскій посолъ графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь, любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузь или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣт-

ные шерстяные чулки и башмаки на толстых подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимую тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шалку изъ калмыцкихъ барашковъ — вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой, изъ красной матеріи, въ коемъ передніи полы подбиты были собольями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣстѣ съ кожаными башмаковъ, — родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно разставался съ сею простотою и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Приѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ; ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупей черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у парижанъ въ моду подъ названіемъ *habit du tsar* или *habit du farouche*. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной празднуемому торжеству; но всегда при окончаніи онаго тотчасъ ее сбрасывалъ. Были, однакожь, дни, въ кото-

рые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, на примѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руку и, взглянувъ на шитье, потрянулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ. «Смотри, Катенька», сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата».

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно, и могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 лицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками на-

поминалъ имъ о корыстолюбїи нимвегенскаго трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего», говаривалъ онъ въ другое время: «жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ, отдать въ нихъ отчетъ Богу». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплаченныхъ и чулкахъ, штопаныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу Измаиль-беку отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ въ 1717 году явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя денщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ навстрѣчу князю Гр. Ѳед. Долгорукому и графу А. Г. Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти

часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ, передо всѣми, изъявилъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Та же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «Если хотите остаться моими друзьями», говорилъ онъ заандамскимъ корабельщику въ 1698 году, «то обходитесь со мною не какъ съ царемъ; иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ». Указомъ отъ 30 декабря 1701 года, рабское обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: «Чего ты!» и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ; — «эхъ, братъ», продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: «у тебя свои дѣла, у меня мои; зачѣмъ тратишь время попустому; ступай своей дорогой». Запрещено было въ письмахъ къ государю называться словомъ холоцъ, давать себѣ уменьшительныя имена Ивашки, Мишки, и т. п., или снимать шапки передъ царскимъ

дворцомъ, какъ сіе водилось въ старину, и теперь еще въ обыкновеніи у насъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ для крестьянъ, приходящихъ на барскій дворъ. «Какое различіе между Бога и царя, когда воздавать будешь равное обоемъ почтеніе?» говорилъ онъ при семъ случаѣ. «Къ чему уничижать званіе, безобразить достоинство человека? Оказывать дому моему въ жестокіе морозы бесплодную почесть, обнажая голову, вредно для здоровья, которое милѣе мнѣ въ подданномъ всякихъ пустыхъ поклоновъ. Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности къ государству и ко мнѣ—вотъ почести, которыхъ я хочу». Вообще не было человека настойчивѣе Петра въ церемониальныхъ этикетахъ; но, съ другой стороны, нельзя было обходиться съ людьми откровеннѣе и дружественнѣе въ частной жизни.

Вотъ примѣръ, какъ онъ мало чинился съ особами, которыхъ даже совсѣмъ не зналъ. Находясь въ Парижѣ, онъ хотѣлъ видѣть заведеніе Сенъ-Сиръ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ и основательницу онаго госпожу Ментенонъ, которая нѣкогда управляла Людовикомъ XIV и всею Франціею и въ то время проводила послѣдніе годы своей жизни въ сей обители покоя. — Ему сказали, что г-жа Ментенонъ почла бы за счастье видѣть его, но что она лежитъ больная и потому не можетъ принимать никакихъ посѣщеній. «Это не мѣшаетъ», отвѣчалъ государь: «я ей не буду въ тягость; мнѣ надобно ее видѣть; она много принесла услугъ королю и Франціи, хотя, увлекаясь суевѣріемъ и

дѣлала глупости, гнавъ протестантовъ». Съ сими словами поѣхалъ онъ въ Сенъ-Сиръ, вошелъ, не сказавшись, въ комнату Ментенонъ, отдернулъ занавѣсы ея кровати, дружески поклонился больной и, сѣвъ на постель у ногъ ея, «извините», сказалъ онъ ей, «что я пріѣхалъ не во время и, можетъ быть, не соблюлъ всѣхъ формъ приличія, являясь къ вамъ; но я прибылъ въ вашъ край, чтобъ видѣть все замѣчательное въ Парижѣ и въ Версалѣ: въ такомъ случаѣ могъ ли уѣхать изъ Франціи, не заявивъ вамъ моего уваженія». Засимъ, не давъ ей отвѣчать и не спуская съ нея глазъ, спросилъ у нея, чѣмъ она нездорова? «Болезнь моя есть старость», отвѣчала встревоженная Ментенонъ слабымъ голосомъ. — «Мы всѣрано или поздно потерпимъ отъ нея», сказалъ монархъ, всталъ, пожелалъ ей выздоровленія и, поклонившись, вышелъ вонъ.

Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему за просто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ то же, что

подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много и любилъ изъясняться аллегоріями. Считалъ Эзона однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ и часто, въ отвѣтъ на длинныя разсужденія, прочитывалъ одну изъ его басенъ. Отправляясь въ походъ противъ турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у римскаго императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду царю, но не обѣщаль ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности. Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ полатыни, и, послѣ утвердительнаго отвѣта, взялъ со стола Эзона, пріискалъ ему басню о козлѣ и лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее посланнику и, сказавъ ему: «теперь желаю вамъ доброй ночи», вышелъ изъ комнаты. — Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто задумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ